

ПЕСНЯ СТАРУХИ ИЗ «ВОЕВОДЫ» И ЕЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сообщение А. Н. Мартыновой

В четвертое действие драмы «Воевода» включена песня, которую поет старая крестьянка над колыбелью внука. Автор, видимо, придавал большое значение этой песне: несмотря на существенные сокращения текста первой редакции драмы, явившейся уступкой критикам и требованиям сцены, текст колыбельной во второй редакции был полностью сохранен.

Одним из первых критиков, отметивших социальное и художественно-драматургическое значение песни, был П. В. Анненков. Он писал, что старуха в пьесе исполняет «убаюкивающую песенку, да не одну из тех колыбельных песен, которые, составляя вариант какого-то первоначального образца, в тысяче видов распространяются матерями и няньками, а чудную, небывалую, политическую песню...»¹ Современная Островскому пресса, в целом отрицательно оценившая драму «Воевода», не смогла понять ее большого общественного и художественного звучания. «Образ этой старухи (...) и трогательная песнь ее над колыбелью младенца производят в чтении лучшее впечатление, чем на сцене, где благодаря монотонному напеву и чрезмерной длине песни он наводит неодолимую скуку на зрителя»². «Старуха поет колыбельную песню, и так сладко, и так долго поет, что под нее готовы заснуть зрители...»³ Между тем песня после исполнения на сцене получила популярность. «Слова этой песенки, производящие такое электрическое действие на читателя, хорошо известны теперь всем», — свидетельствовал Анненков⁴. О большим впечатлении, которое производила песня на зрителей в исполнении гениальной О. О. Садовской, пишет С. Н. Дурылин: «Садовская только сидела, качала колыбель и пела, пела старушечьим, увядшим голосом, но в ее голосе, в хватающем за душу покорном напеве ее песни было что-то до того трагическое, и вместе с тем простое, несомненно правдивое, что казалось, в этой люльке лежит не «мил-внучонок», «крестьянский сын», а вся Русь крепостная, крестьянская, сермяжная...»⁵

«В 60-е годы, — справедливо замечает Л. В. Черных, — вся песня с ее заключительными строфами звучала злободневно, т. к. положение русского народа оставалось трагическим и после отмены крепостного права»⁶.

Исследователи творчества Островского неоднократно останавливали свое внимание на этой песне. Считая ее стилизацией народной, они пытались установить фольклорную основу текста. Г. Т. Синюхаев⁷ и Л. В. Черных⁸ видят ее в песне о татарском полоне. Синюхаев указывает даже конкретный вариант — текст в записи П. И. Якушкина⁹. Иной точки зрения придерживается Н. И. Дубинская, сближая колыбельную Островского с народными колыбельными песнями и причитаниями: «Островский создал эту изумительную по драматизму и выразительности песню, сумев передать в ней черты подлинного фольклора, сохранив размер, интонации, образы, язык старинных народных плачей и колыбельных песен»¹⁰. Соглашаясь с авторами названных работ в том, что колыбельная, включенная в драму, является личным произведением Островского, попытаемся установить, является ли она стилизацией и если является, то чего именно: песни о татарском полоне, народных колыбельных песен или причитаний.

Текст песни о татарском полоне, записанный П. И. Якушкиным, является одним из многих вариантов песни¹¹, которую Б. Н. Путилов определяет как историческую балладу; в сюжет ее «органически включается колыбельная песня, усиливающая об-

щий эмоциональный тон произведения». Песня неоднократно записывалась и как колыбельная¹² (в функции колыбельных песен довольно часто выступают произведения иных жанров, особенно те, в которых так или иначе упоминается о ребенке).

Основное содержание баллады следующее: татары «дуван дуванят»; теща достается зятю, ее заставляют «три дела делать», в том числе качать ребенка; старуха поет колыбельную песню, в которой называет младенца внуком, а его мать доченькой. Путилов, анализируя более сорока вариантов этой баллады, указывает, что «по характеру разработки сюжета известные тексты не дают принципиальных расхождений. Главное различие в полных текстах касается финала песни; в одних случаях мать не соглашается остаться с дочерью и уходит на Русь, в других мать и дочь бегут на родину вместе, в третьих — дочь отправляет мать, объясняя невозможность своего ухода, в четвертых — мать остается с дочерью»¹³.

Колыбельная песня Островского содержит жалобу на беду-грозу «с напастями да с пропастями, с правежами», беду, «все с побоями», на то, что «бог забыл, царь не милует», «люди бросили, людям отдали». Беду предполагается изжить «за работушкой, за немилрой, чужой, непокладной, вековечной, злою-страдной», «поколь бог простит, царь сжалится». Ощутимого сходства в содержании или в поэтических средствах (за исключением размера стиха) текст Островского с песней о татарском полоне не имеет.

Некоторое сходство колыбельной Островского можно отметить с опубликованной И. П. Сахаровым другой песней, содержащей описание татарского набега. Текст Сахарова отличается от известных песен о татарском полоне: здесь вся песня, а не только часть ее, представляет собой колыбельную. Ребенку в ней предлагают спать, пока минет беда, — описывается набег татар, которые сожгли «домы и теремы», увели в плен не только мать, но и отца ребенка, — а когда он вырастет, то ехать ему в «Золотую Орду» и вывезти мать, отца и «жену». Путилов не включил в издание этот текст, считая его явной подделкой¹⁴.

Сходство текста колыбельной Островского и песни Сахарова небольшое и ограничивается сравнением беды с грозой, в обращении к ребенку с просьбой спать, пока беда минует.

Островский:

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
Ты спи, поколь изживем беду,
Изживем беду, пронесет грозу...

(IV,121)

Сахаров:

Спи, усни, мое дитятко,
Покуль гроза пройдет,
Покуль беда минет¹⁵.

Больше никаких аналогий в текстах отыскать нельзя. В песне Сахарова речь идет о грозе-беде — татарском набеге; нетрудно понять, что гроза-беда в песне Островского — крепостное право. Это объясняет и диалог между воеводой и старухой, которая на вопрос «не блажит» ли младенец, отвечает:

В кого родится
Благой у нас—давно мы присмирели,
С царя Бориса.

В о е в о д а

Вспомнила Егорья?

С т а р у х а

Ужли ж забыть! И правнуки, и внуки
Праправнуков Егорья помнить будут.

В свете этого диалога понятно, какая именно беда имеется в виду в песне:

Допреж деды не видали беды,
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропастями,
С правежами беда, все с побоями.

(IV, 120)

Сомнительно, чтобы Островский мог слышать колыбельную песню о татарском набеге в варианте Сахарова. Песня такого содержания в живом бытовании не зарегистрирована. Тексты ее, опубликованные после издания Сахарова, Путилов считает скрытыми перепечатками текста Сахарова.

Нами рассмотрено более 1800 записей русских народных колыбельных песен, опубликованных и хранящихся в архивах ИРЛИИ, Всесоюзного географического общества и Музее этнографии народов СССР. В целом они дают полное представление о русской колыбельной песне, но текст, опубликованный Сахаровым, сколько-нибудь близких аналогий в них не имеет. Следует отметить, что колыбельные песни вообще не сохранили почти никаких отзвучков татарского нашествия. Лишь слабый отзвук эпохи хранят несколько известных нам текстов, содержащих упоминание Мамая с целью запугать им ребенка¹⁶.

Следовательно, остается предположить, что Островский был знаком с колыбельной песней, содержащей описание татарского набега, по самому сборнику Сахарова. Синюхаев сообщает, что Островскому «были известны сборник песен Кирши Данилова (Калайдовича), Чулкова, Новикова, Снегирева, Сахарова и старинные песенники, которые могли быть даже в библиотеке его отца»¹⁷.

Рассмотрим, что сближает песню Островского с народными колыбельными песнями.

Народные колыбельные песни — один из жанров женской бытовой лирики, обращенной к самым маленьким детям. Колыбельные песни имеют конкретное бытовое назначение, и этим определяется их специфика, тематика, система образов, язык. Как правило, колыбельные песни, за небольшим исключением, не имеют сюжета. Структурно они представляют собой цепочки, составленные из традиционных элементов (1—2—3 строчки), которые довольно произвольно могут соединяться между собой. Основные образы песен при всем их кажущемся разнообразии вполне можно определить: это существа, олицетворяющие состояние сна, родственники ребенка, предметы домашнего обихода и др. Колыбельные песни содержат иногда и бытовые зарисовки, и педагогические сентенции, что является, с нашей точки зрения, поздним наслоением. В древности эти песни, вероятно, выполняли функции заклинаний¹⁸. Остатки заклинаний прослеживаются в текстах. К ним относятся устойчивые формулы пожелания сна и здоровья ребенку, мифические образы Сна, Дремы, Угомона, Покоя, встречающиеся также в заговорах «от бессонницы» ребенка. С заговорами колыбельные песни сближает и неразрывность их напева с действием. Можно предположить, что в древности, когда существовала вера в магическую силу слова, колыбельной песней «наговаривали» сон ребенку.

Исследователи творчества Островского неоднократно отмечали прекрасную осведомленность его в самых разных жанрах народной поэзии, особенно песни. «Ему принадлежат целый ряд записей народных песен с указанием лиц, от которых они были услышаны (...) Отношение Островского к фольклору не было дилетантским, любительским: драматург не только записывал произведения народного творчества, но и изучал их в качестве ученого этнографа-фольклориста»¹⁹. «Островский был неутомимым собирателем и исследователем материала устного народного творчества»²⁰. Можно предположить, что Островский хорошо знал народные колыбельные песни: две последние строфы созданного им текста содержат некоторые элементы народных песен; здесь отразилось и понимание Островским колыбельной песни как «наговора»:

Ты епи-усни, крестьянский сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает.

(IV, 122)

А. И. ЮЖИН В РОЛИ СТЕПАНА БАСТРЮКОВА («ВОЕВОДА»)

Малый театр, 1886 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

Христианские персонажи, к которым обращаются с просьбой усыпить ребенка, обычны в народных песнях. Они есть и в песне Островского:

Ты спи-усни, крестьянский сын!
Твоя душенька в небесах летит,
Твой тихий сон сам господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

(IV, 122)

Образы матери, отца, деда, бабушки довольно часто встречаются в народных песнях:

Байки, качалка шелкова,
Сидит бабка бестолкова²¹.

Сравним у Островского:

С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает.

Колыбель — один из предметов, наиболее часто изображаемых в колыбельных песнях, иногда же о ней просто упоминается, как и в тексте Островского:

С тобой сидит бабка старая
Да качку-качалку покачивает.

(IV, 122)

Этими аналогиями и ограничивается сходство между народными колыбельными песнями и текстом Островского. Для сближения песни с народными причитаниями²² еще меньше оснований. Некоторое сходство стилистических приемов (отзвук вопросительно-восклицательных конструкций во второй и третьей строфе, нагнетание определений во второй строфе) слишком отдаленно. Поэтому относить колыбельную песню Островского к числу созданных им стилизаций, «которые невозможно отличить от подлинных произведений народной словесности»²³, вряд ли возможно. Неверным представляется и утверждение, что в пении старухи «Островский раскрывает нам самый процесс народного творчества, превращение чувства-мысли в живое слово: именно так создается песня старухи...»²⁴. Фактически в колыбельной песне импровизация выражается, как правило, в контаминировании традиционных «сюжетов»²⁵, образов, деталей, которые лишь изредка перемежаются выражением личных чувств исполнителя, непременно связанных, однако, с отношением к ребенку, но не в разворачивании темы, чуждой этому жанру.

Таким образом, лишь с большой осторожностью можно назвать песню Островского стилизацией произведений народного творчества. Автор, вероятно, и не ставил перед собой такую цель. Колыбельная в драме «Воевода» — это личное произведение драматурга, наполненное социальным, политическим содержанием, в котором он использовал лишь некоторые образы и отчасти размер подлинной народной колыбельной песни.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ П. Анненков. Воевода или Сон на Волге. — «СПб. ведомости», 1865, № 109, стр. 1.

² «Современная летопись», 1865, № 35. — Цит. по кн.: «Критическая литература о произведениях А. Н. Островского». Сост. Н. Денисюк, вып. II. М., 1906, стр. 319.

³ «Голос», 1865, № 125, стр. 2.

⁴ П. Анненков. Указ. соч.

⁵ С. Дурьлин. Пров Михайлович Садовский. Жизнь и творчество. М., «Искусство», 1950, стр. 85.

- ⁶ Л. В. Черных. Историческая драма А. Н. Островского «Воевода» (Сон на Волге).— «Славянский филологический сборник». Уфа, 1962, стр. 292.
- ⁷ Г. Синюхаев. Островский и народная песня.— «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», т. XXVIII. Л., 1924, стр. 9—70.
- ⁸ Л. В. Черных. Указ. соч., стр. 292.
- ⁹ П. И. Якушкин. Народные русские песни. СПб., 1860, стр. 79—82.
- ¹⁰ А. И. Дубинская. А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 186.
- ¹¹ См. «Исторические песни XIII—XVI веков». Изд. подготовили Б. Н. Путилов и В. М. Добровольский. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 628—631.
- ¹² «Денница» на 1831 г., стр. 132—134; ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 215; колл. 76, п. 2, № 15; колл. 160, п. 1, № 159.
- ¹³ «Исторические песни XIII—XVI веков», стр. 628.
- ¹⁴ Там же, стр. 626.
- ¹⁵ И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. I, кн. 3. СПб., 1841, стр. 264.
- ¹⁶ ИРЛИ, Р. V, колл. 32, п. 5, № 17; колл. 69, п. 9, № 311, 116.
- ¹⁷ Г. Синюхаев. Указ. соч., стр. 11.
- ¹⁸ В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, стр. 89.
- ¹⁹ М. М. Уманская. Исторические и фольклорные источники пьесы А. Н. Островского «Воевода».— «Учен. зап. Саратовского гос. пед. института», вып. XVIII, 1955, стр. 13—14.
- ²⁰ А. Ф. Луконин. А. Н. Островский и устное народное творчество. М., 1951, стр. 6.
- ²¹ ИРЛИ, Р. V, колл. 223, п. 1, № 8, л. 50.
- ²² А. И. Дубинская. Указ. соч., стр. 186.
- ²³ Г. Синюхаев. Указ. соч., стр. 42.
- ²⁴ Там же, стр. 45.
- ²⁵ «Сюжет» в примечании к жанру русских народных песен — понятие относительное.